

А. И. ВДОВИН, Д. О. ЧУРАКОВ,
Э. М. ШАГИН

**Политическая система СССР в
период Великой Отечественной
войны и послевоенные
десятилетия**

Учебное пособие

Москва
2012

издательство
Юрлитсервис

**Димитрий Олегович Чураков
Александр Иванович Вдовин
Эрнст Михайлович Щагин**

**Политическая система СССР в период
Великой Отечественной войны и
послевоенные десятилетия. Учебное пособие**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8716212*

*Политическая система СССР в период Великой Отечественной войны и послевоенные десятилетия: 1941—1982: Учебное пособие/ Э.М. Щагин, Д.О. Чураков, А.И. Вдовин: Прометей; Москва; 2012
ISBN 978-5-4263-0081-1*

Аннотация

В учебном пособии раскрываются основные механизмы развития советской политической системы в годы Великой Отечественной войны с фашистскими оккупантами и в последующие, заключительные десятилетия советской истории. На широком социально-экономическом фоне раскрываются сложные вопросы эволюции советской политической системы. Не обойдены молчанием и сложные, дискуссионные вопросы, связанные с борьбой за власть в высших эшелонах партийной и государственной бюрократии. Опираясь на новейшие тенденции в историографии, авторы обстоятельно прослеживают развитие коммунистической идеологии, в рассматриваемый период неоднократно менявшей свой облик, освещаются процессы ее омертвления, а также размах и последствия этого.

Пособие подготовили сотрудники кафедры новейшей отечественной истории МПГУ: Э.М. Щагин – заслуженный деятель науки РФ, Почетный профессор МПГУ и Рязанского госуниверситета им. С. А. Есенина, зав. кафедрой новейшей отечественной истории МПГУ, д. и. н. – гл. 1, § 2; Д. О. Чураков – зам. зав. кафедрой новейшей отечественной истории МПГУ, и.о. проф., д. и. н. – гл. 1, § 1, гл. 2, § 1–3; А. И. Вдовин – проф., д. и. н. – гл. 1, § 3.

Содержание

Введение	4
Глава I. Советская страна в годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления	6
§ 1. Политическое развитие СССР в годы Великой Отечественной войны: направления, результаты, дискуссии	6
Начало войны: трудная дорога к истине	6
Изменения советской политической системы в 1941–1945 годах: трудная дорога к Победе	14
§ 2. Создание колхозно-совхозного строя в советской деревне и его значение в исторической победе в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.	25
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Э. М. Шагин, Д. О. Чураков, А. И. Вдовин

Политическая система СССР в период Великой Отечественной войны и послевоенные десятилетия: 1941–1982 годы

Учебное пособие

Введение

Пособие «Политическая система СССР в период Великой Отечественной войны и послевоенные десятилетия: 1941–1982 годы» является продолжением выпущенного издательством «Прометей» в 2011 году пособия «Становление советской политической системы: 1917–1941 годы». Данные издания осуществляются с целью создания материальной базы проводимых реформ высшей школы и обеспечения новыми учебными и учебно-методическими пособиями новых специальностей, преподаваемых на историческом факультете Московского педагогического государственного университета. Пособие подготовлено ведущими профессорами кафедры новейшей отечественной истории МПГУ под руководством заслуженного деятеля науки РФ, Почетного профессора МПГУ и Рязанского госуниверситета им. С. А. Есенина Э. М. Шагина.

Не пряча и не искажая сложные исторические процессы, протекавшие в этот период в нашей стране, в угоду былой и нынешней политической конъюнктуры, как это все еще может встречаться в учебной литературе по советской истории, авторский коллектив пособия стремится к тому, чтобы за разнообразием исторических фактов студент смог рассмотреть фигуру человека – рядового участника исторического процесса, с его стремлениями, поступками, идеями, надеждами и свершениями. Пособие рассчитано на как на самостоятельную, так и на коллективную работу бакалавров под руководством преподавателя на практических занятиях.

Данное пособие является дополнением и расширением учебника по предмету «Новейшая отечественная история. XX век», подготовленного кафедрой в предшествующие годы с учетом профиля данного направления бакалавриата – историческая политология. Поэтому пособие, в первую очередь, сконцентрировано на эволюции политической системы в СССР периода Великой Отечественной войны и послевоенных десятилетий (т. е. 1941–1982 годов). В пособие вошли два модуля. Первый из них отражает развитие страны в годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления. Второй модуль отражает период поиска путей стабилизации советской политической системы и преодоления сталинского наследия, достигнутые в этом успехи и просчеты. Авторский коллектив полагает, что развитие политической системы в СССР – Российской Федерации с 1982 года по наши дни должно быть освещено в следующем пособии.

Пособие подготовлено сотрудниками кафедры Новейшей отечественной истории МПГУ:

Э. М. Шагиным (Введение; модуль 1 § 2; документальные приложения к модулю 1 и 2)

Д. О. Чураковым (Введение; модуль 1 § 1; модуль 2 § 1, 2, 3; документальные приложения к модулям 1 и 2)

А. И. Вдовин (модуль 1 § 3; документальные приложения к модулям 1 и 2)

Глава I. Советская страна в годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления

§ 1. Политическое развитие СССР в годы Великой Отечественной войны: направления, результаты, дискуссии

Начало войны: трудная дорога к истине

Великая Отечественная война стала серьезным испытанием для всего советского народа. Несмотря на то, что страна готовилась к отражению агрессии, в первые недели войны удача сопутствовала вторгшимся на нашу территорию фашистским оккупантам. Военные условия поставили в повестку дня решение многих кардинальных задач, в том числе перестройку всей политической системы СССР. В современной науке достигнуто понимание, что планы превращения страны в единый военный лагерь имелись еще до ее начала. Но действительность внесла свои суровые коррективы в первоначальные намерения.

Заниматься реконструкцией государственной машины приходилось в чрезвычайных условиях. Под ударами превосходящих сил противника Красная Армия с боями отходила все глубже на Восток. Нарушались отлаженные в предвоенные десятилетия каналы и рычаги управления, в том числе армией. Требовалась серьезная коррекция идеологической работы, поскольку до войны господствовала уверенность, что бить врага предстоит на его территории, а победа будет достигнута малой кровью. По-новому нужно было выстраивать систему взаимоотношений между властью и обществом. Без прочной смычки и взаимного доверия между ними о победе можно было бы не мечтать. Предстояло объединить волю миллионов людей и направить ее на достижение общей цели. Каждый советский человек – от солдата до генералиссимуса – должен был выполнить свою часть общей задачи. Только так можно было переломить хребет врагу, навязавшему нам войну на выживание, тотальную войну, не виданную прежде по своим масштабам и бесчеловечности.

Сложные условия, в которых СССР оказался в первые месяцы войны, потребность серьезных изменений в стиле и методах руководства страной породили целый шлейф черной мифологии, цель которой доказать крах советской предвоенной модели развития. Сегодня эта мифология активно внедряется в массовое сознание. В концентрированном виде она была представлена, например, в одной из передач цикла «Суд времени», в ходе которой на электронное голосование предлагался вопрос: «сталинская система [в годы войны] провалилась или выстояла»? Попробуем без эмоций, на основании фактов, разобраться в этом вопросе и посмотреть, что же происходило в те судьбоносные дни?

Согласно одному из самых старых мифов о войне, глава советского государства Сталин не верил в нападение Гитлера. В наши дни несоответствие этого мифа реальным фактам самоочевидно. На протяжении всей третьей пятилетки СССР активно готовился к обороне своих Западных границ. В своем выступлении на выпуске слушателей Академии Красной Армии 5 мая 1941 года Сталин публично обозначил неизбежность войны. Он сравнил Гитлера с Наполеоном – для русского человека параллель более чем понятная. С речью к молодым офицерам Красной Армии Сталин обратился непосредственно в те дни, когда он офи-

циально возглавил Советское Правительство. Понятно, что это назначение было вовсе не случайным.

В тот момент советское руководство, следуя донесениям разведки, ожидало нападение Гитлера 15 мая. Немецкий генерал К. Типпельскирх, в то время возглавлявший Разведывательное управление Генерального штаба Сухопутных сил Германии, в своей «Истории Второй мировой войны», отмечал: «Конечно, от русской разведки не укрылось, что центр тяжести военной мощи Германии все больше перемещается на Восток. Русское командование принимало свои контрмеры... 6 мая Сталин, который до сих пор был только Генеральным секретарем коммунистической партии, хотя и самым могущественным человеком в Советском Союзе, стал преемником Молотова на посту Председателя Совета Народных Комиссаров и, таким образом, официально возглавил правительство. Этот шаг означал, по крайней мере формально, усиление авторитета правительства и объединение сил».

Переломным моментом в подготовке к войне следует считать заявление ТАСС от 13 июня 1941 года, о котором так много пишется в современной историографии (в том числе прямых спекуляций). В нем открытым текстом звучал призыв к Германии подтвердить свои мирные намерения. Молчание Берлина на дипломатическом языке означало лишь одно – объявление войны. Не случайно именно в эти дни в приграничные округа уходят первые приказы о приведении войск в боевую готовность и выдвижении на оборонительные позиции. Повторный приказ принимается 18 июня. Текст его пока не обнаружен. Вместе с тем, сохранились и хорошо известны документы военных округов, принятые в его исполнение. Кроме того, на середину июня были назначены учения ряда округов и флотов – на несколько месяцев раньше, чем обычно. По воспоминаниям военных, было ясно, что под прикрытием учений в СССР началась скрытая мобилизация и переброска дополнительных сил к западным границам. Так что говорить о запоздалой реакции политического руководства явно не приходится.

Ни у кого не было иллюзий и насчет того, что война может начаться конкретно 22 июня. Об этом свидетельствует напряженная деятельность руководства СССР в последний мирный день – 21 июня 1941 года. Этот день наполнен сплошными совещаниями и консультациями по вопросам обороны. В частности, о подготовке руководства страны к войне свидетельствуют слова лидера столичных коммунистов А. С. Щербакова рассказавшего, как вечером 21 июня у Сталина детально обсуждалось состояние противовоздушной обороны Москвы. По воспоминаниям Н. Г. Кузнецова, чуть раньше, около 2 часов дня Сталин лично звонил И. В. Тюленеву (который в то время командовал Московским военным округом) и требовал повысить боевую готовность войск ПВО. Как известно, Москва расположена в глубине советской территории, и если бы не угроза массированного вторжения и возможного отступления, подобного рода вопросы вряд ли требовали бы повышенного внимания со стороны главы Правительства. Характер нависшей над страной угрозы сомнений не вызывал: по воспоминаниям председателя Исполкома Моссовета В. П. Пронина, в субботу 21 июня Сталин приказал задержать секретарей райкомов на рабочих местах и запретить им выезжать за город. «Возможно нападение немцев» – подчеркнул глава СССР.

Напряженная работа велась и в приграничных районах страны. После XX съезда широко гуляла байка, будто бы командующие Западных округов в ночь на 22 июня, ничего не подозревая, мирно спали или беззаботно проводили время. Ее пришлось опровергать лично Г. К. Жукову. Обратимся к 13-му изданию его воспоминаний. Именно это издание в наши дни называют наиболее объективным, свободным от цензуры. К тому же, что немаловажно, оно было дополнено по сохранившимся в архивах рукописям автора. «В ночь на 22 июня 1941 года всем работникам Генштаба и Наркомата обороны было приказано оставаться на своих местах, – сообщает Жуков, – Необходимо было как можно быстрее передать в округа директиву о приведении приграничных войск в боевую готовность. В это время у меня и

наркома шли непрерывные переговоры с командующими округами и начальниками штабов, которые докладывали нам об усиливавшемся шуме по ту сторону границы».

О подготовке к отражению нашествия 22 июня говорят и другие, хорошо известные историкам меры:

– 12 июня дается указание Главного военного совета подтянуть войска вторых эшелонов ближе к государственной границе.

– 16 июня в ПрибОВО в боевую готовность приведены 6 стрелковых дивизий.

– 18 июня в боевую готовность приводятся все остальные части и соединения ПрибОВО.

– Точно такие меры же проводятся в Ленинградском военном округе.

– 19 июня 1941 года в войска уходит приказ о маскировке аэродромов, боевой техники, складов, парков, а также мест расположения войсковых частей.

– Начинается минирование ряда участков границы с Германией.

– В западных приграничных округах по команде из центра приводятся в боевую готовность и выводятся в районы своего рассредоточения отдельные мехкорпуса.

– Наконец, 19 июня отдается приказ военным советам приграничных округов сформировать управления **фронтов**, а главное – к 22–23 июня 1941 года вывести их на полевые командные пункты.

На основании анализа этих и других аналогичных по направленности мероприятий, имевших место в июне 1941 года, современные историки, такие как Р. С. Иринархов, А. В. Исаев, А. Ю. Мартиросян, заключают, что ко второй половине 21 июня Сталин считал начало войны неизбежным, по крайней мере весьма и весьма вероятным. Уже вечером того дня Сталиным, Наркомом Обороны С. К. Тимошенко и начальником Генштаба Г. К. Жуковым была подготовлена известная «Директивы № 1». Произошло это не позднее 22 часов 20 минут 21 июня, так как в это время оба военных покинули кабинет главы Правительства. В действительности политическое решение о приведении войск в боевую готовность было принято еще раньше, по крайней мере к 20 часам 50 минутам, когда Тимошенко повторно был вызван к Сталину. Его вызывали уже не совещаться, а отдавать приказы. В это время у Сталина находился капитан 1-го ранга, Военно-морской атташе при Посольстве СССР в Третьем Рейхе М. А. Воронцов. Воронцов – лицо легендарное и незаслуженно забытое. За несколько часов до войны он положил на стол главы советского правительства добытый нашей разведкой германский официальный запрос правительству Швеции, в котором 22 июня было указано как дата начала войны. На основании очевидных фактов и принимается решение о направлении в войска «Директивы № 1». Еще до полуночи, текст ее стал известен Наркому Военно-морского флота адмиралу Н. Г. Кузнецову.

Еще один, пожалуй, самый расхожий миф о начале войны, говорит о параличе воли, поразившем Сталина, после известия о начале фашистского вторжения. Его авторство принадлежит непосредственно Хрущеву. Поскольку в начале войны Никита Сергеевич занимал важный, но все же второстепенный пост руководителя одной из союзных республик, 22 июня в Москве его не было и о событиях там он мог судить лишь понаслышке. Чтобы придать своим словам видимость правдоподобия, ему пришлось сослаться на якобы имевший место рассказ Л. П. Берия. По утверждению Хрущева, Берия уверял, будто бы Сталин был шокирован делами на фронте и уехал на свою ближнюю дачу в Кунцево. Там диктатор некоторое время безвольно отсиживался. Увидев приехавших к нему Берия и других членов руко-

водства, Сталин, похоже, испугался ареста. Но когда высокопоставленные визитеры стали его убеждать вернуться и возглавить страну, воспрянул духом и стал прежним Сталиным.

Нельзя исключить, что основой для рассказа Хрущева, так же как и для озвученного на XX съезде КПСС эпизода с планированием Сталиным военных операций по глобусу, стало киноискусство. Если в эпизоде с глобусом читается влияние чаплинского «Великого диктатора», то в описании визита членов Политбюро на дачу Сталина явно видна параллель с фильмом С. М. Эйзенштейна «Иван Грозный». В жизни реального Ивана Грозного имел место эпизод, когда к нему в Александровскую слободу приезжают бояре, просить его вернуться на трон, который тот демонстративно оставил. Сегодня некоторые авторы как раз и пишут о том, что этот исторический эпизод, мог навести Сталина на мысль проверить лояльность своих «бояр» подобным же образом. Именно так, с налетом исторических аллегорий, трактуется поступок Сталина в книге А. Мерцалова и Л. Мерцаловой «Сталинизм и война». Нельзя исключить, что таким же образом мыслил и Хрущев, объявляя с трибуны съезда о затворничестве Сталина.

Хрущёвская версия событий (в дальнейшем ее поддержит и близкий Хрущёву А. И. Микоян) настолько прочно вошла в умы людей, что даже сталинисты приняли ее за чистую монету. Чтобы как-то оправдать своего кумира, они предложили сразу несколько исторических мифов. Так, писатель В. Жухрай в книге «Сталин: правда и ложь» сообщал о сразившей вождя ангине. Еще дальше идет В. П. Мещеряков. Он пишет о попытках отдельных советских лидеров изолировать Сталина. Именно этим он объясняет выступление Молотова 22 июня, отсутствие подписей Сталина на некоторых официальных документах, невозможность для некоторых высокопоставленных лиц получить аудиенцию у главы Правительства. То есть Мещеряков фактически пишет о ползучем государственном перевороте. Книга, в которой он развернул свою аргументацию, носит выразительное название: «Сталин и заговор военных 1941 года». Версия заговора в верхах уязвима для критики. Возможно, совершая свое нападение на СССР, Гитлер рассчитывал именно на такой сценарий. Во всех странах, в которые вступали его армии, находилась пятая колонна, представители элиты, готовые купить свое благополучие путем предательства. Но, как известно, в Советском Союзе этого не произошло, что невозможно считать случайностью. Так зачем кому-то придумывать различные небылицы на эту тему задним числом?

Первоначально, по версии Хрущева и Микояна, получалось, что Сталин потерял самообладание в начальные часы войны. Страхась возмездия и не зная, как оправдаться, он отказался выступить перед народом, перепоручив это Молотову. Хрущев и некоторые его сторонники вкладывают в уста Сталина паническую фразу, которая в подправленном цензурой виде звучит так: «То, что создал Ленин, все это мы безвозвратно растеряли». Позже в своих воспоминаниях «Время. Люди. Власть» Хрущев «усилит» свою версию начала войны, придав ей больше динамизма и колорита. При этом он станет особо подчеркивать, что Сталин, вдобавок к проявлению малодушия, еще и добровольно устранился от управления страной. ««Я – говорит, – отказываюсь от руководства», – и ушел. Ушел, сел в машину и уехал» – писал Хрущев о поведении Сталина.

В той системе власти, которую создал Сталин, роль вождя была центральной. В силу этого, как отмечает В. В. Черепанов, Хрущев обвинял Сталина, что своими действиями тот парализовал всю систему управления. Отсюда не далеко до вывода, который читаем в книге чеченского диссидента А. Авторханова: вождь повел себя как дезертир. Тем самым вина за первые поражения полностью переключалась на Сталина. Для Хрущева это было важно озвучить именно на XX съезде. Реакцию его делегатов на «разоблачение культа личности» предвидеть было сложно, и, в случае осложнений, Хрущеву могла понадобиться помощь Жукова и прочих военных, заинтересованных в том, чтобы некоторые неясные обстоятельства первых дней войны не вскрылись.

Именно в таком виде версия о «прострации Сталина» сделалась предметом разговоров на диссидентских кухнях в 1960—1970-е годы. Именно в таком виде ее вкладывали в умы населения СССР, когда политика гласности сделала возможным перевод западных книг по истории. В частности, когда прежние отечественные учебники потеряли авторитет, а новых еще не успели создать, популярность получил учебник француза Николя Верта. В нем говорилось именно о длительном, почти две недели отсутствии Сталина. Однако в период своего наибольшего распространения в 90-е годы XX века хрущевская версия столкнулась с неожиданным препятствием. В 1996 в «Историческом архиве» году был обнародован журнал посещений кремлевского кабинета Сталина. Казалось бы, миф распался, его можно сдать в музей истории человеческих заблуждений. Но последователи хрущевской версии наши зацепку. Если нельзя доказать двухнедельное «кунцевское сидение», то следует попытаться отстоять хотя бы сам факт панических настроений. Дело в том, что в журнале посещений имеется пробел: в ней записи заканчиваются 28 числом, а вновь начинаются – только 1-го июля 1941 года. И вот генерал Волкогонов пишет уже не о нескольких, а всего лишь о трех днях, в течение которых «первое лицо в государстве пребывало в прострации и не руководило страной».

Однако и в таком, заметно усеченном виде версия Хрущева долго не продержалась. Дело в том, что из этой схемы с очевидностью сразу же выпадает 29 июня. В этот день Сталин активно работал над «Директивой СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков». Плод коллективного творчества, Директива была подписана в тот же день и сыграла важную роль в превращении страны в единый военный лагерь. Кроме того, как показывает реконструкция В. Черепанова, 29 июня Сталин дважды побывал в Наркомате обороны, где состоялось выяснение отношений между политическим и военным руководством страны. Глава Правительства был в ярости от результатов деятельности своего наркома и начальника Генштаба. В литературе пишется даже о том, что своей грубостью он довел генерала до Жукова слез – в подобных случаях крепкого и не склонного к сантиментам человека.

Анализируя воспоминания участников переговоров, состоявшихся в тот день в Наркомате обороны, В. Черепанов отмечал: «Авторы мемуаров упустили или умолчали один, но принципиально важный момент. Речь идет о проявлении первых разногласий между политическим и военным руководством страны и о пресечении Сталиным возможного раскола... Сталин, как мудрый политик, в этот тяжелый час предпринял попытку объединить усилия политического и военного руководства, подчеркнув безусловный приоритет первого. Хотя сделал он это в чрезвычайно жесткой форме. Но ситуация сложилась такая, что уговаривать подчиненных не было времени». Для Тимошенко и Жукова главным итогом визита Сталина станет скорая потеря их высокого положения (правда «опалой» произошедшее с ними не назовешь, поскольку оба полководца останутся в самой в гуще событий на фронте). А для самого Сталина, вероятно, таким итогом стала идея создания органа, который бы объединил руководство фронтом и тылом, а заодно – позволил лучше контролировать деятельность военных.

Вопрос о дееспособности Сталина в первые дни войны не имеет самостоятельного значения. Так подробно на нем пришлось остановиться лишь потому, что на его примере можно наглядно показать, как рождаются черные мифы о нашей стране. Разобрав действительный ход событий, мы можем констатировать, что советская система, хороша она была или нет, не развалилась, выстояла перед первыми ударами гитлеровцев. Если для нас живущих сегодня, вопрос о крепости системы и готовности советского руководства продолжать борьбу имеет преимущественно академический характер (отсюда и дискуссии), то для людей, переживших ужасы начала войны, это был вопрос о жизни и смерти. От того, что люди думали о своих лидерах, зависел их жизненный выбор, жизненная позиция. Советское руководство,

показало, что оно не дрогнет, не опустит безвольно руки, не бросит свой народ, не побегит за границу, как это делали лидеры Польши, Франции, Чехословакии и других стран. С первых же часов войны советское руководство показало готовность сражаться. Сегодня, в сравнительно благополучные дни, не всем легко понять, какое колоссальное мобилизующее значение это имело. Патриотический подъем народа и твердая воля руководства СССР оказались спаяны воедино. Это стало важным залогом грядущих успехов на полях сражений. В людях горячо отозвался призыв к Отечественной войне, произнесенный Молотовым в его обращении к народу в полдень 22 июня:

«Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за родину, за честь, за свободу... Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя товарища Сталина. Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Героизм народа, крепость советской системы и активная позиция высшего руководства уже в первые дни войны сорвали планы блицкрига, а значит – приблизили победу. Это, конечно, не означает, что Победа была уже predetermined, что никаких просчетов и трудностей на пути к ней не было. Трудности, ошибки, трусость, дезертирство и предательство в отдельных низовых звеньях аппарата власти имелись. Просчеты, иногда очень серьезные, совершались и на уровне центра. Но только теперь, отказавшись и от парадного глянца, и от черной мифологии стало возможно объективно разбираться в их причинах и характере.

В частности, можно отметить следующие факты, хорошо известные сегодня. Так, советское военное руководство накануне войны переоценивало боевую мощь частей Красной Армии. Генерал К. А. Мерецков на январском 1941 года совещании руководящего состава армии, например, заявлял: «При разработке устава мы исходили из того, что наша дивизия значительно сильнее дивизии немецко-фашистской армии и что во встречном бою она, безусловно, разобьет немецкую дивизию. В обороне же одна наша дивизия отразит удар двух – трех дивизий противника». Не ясно, на чем были основаны такие шапкозакидательские выводы, но именно они докладывались политическому руководству. Именно они закладывались в планы прикрытия западных границ. Именно они находили место в полевых Уставах РККА. Первые же боестолкновения с хорошо вооруженным и обученным врагом показали их беспочвенность.

Или еще один момент. Сегодня много говорится о советских оборонительных сооружениях на старой и новой границе СССР: соответственно линии Сталина и линии Молотова. Существует даже соответствующий миф, согласно которому после смещения границы далеко на Запад, Сталин приказал разрушить старую оборонительную линию. В действительности такого приказа не было. По директиве Начальника Генштаба 1940 года, старые укрепрайоны не только не разрушались, но даже первоначально не консервировались. Только в дальнейшем, по мере строительства новых УР, старые было приказано законсервировать, организовав их охрану. Вооружения и боеприпасы следовало хранить на специальных складах «в полной боевой готовности к выброске на рубеж». Другое дело, что в некоторых военных округах эта работа была налажена из рук вон плохо. Изъятые оружие не охранялось, сами сооружения ветшали и приходили в запустение. Так обстояло дело, напри-

мер, в Минском укрепрайоне, находившимся в зоне ответственности командующего ЗОВО Д. Г. Павлова. Одновременно с этим специальные наблюдатели из центра неоднократно фиксировали провалы в осуществлении планов строительства Гродненского укрепрайона. Не лучше обстояли дела с Полоцким укрепрайоном. При их строительстве, кроме всего прочего, не соблюдались меры секретности. Враг, используя это обстоятельство, мог знать состояние наших оборонительных сооружений.

Не все до конца прояснено почему военные, все же, несмотря на чрезвычайные меры, которые предпринимались еще в мае и активизировались в середине июня 1941 года, встретили врага в разной степени готовности? Например, флот встретил врага в полной боевой готовности. Здесь приходится сталкиваться с еще одним укоренившимся заблуждением, будто командование РККФ привело флот в боевую готовность, вопреки воле центра. Неясно, является ли автором этого мифа сам адмирал Кузнецов, или соответствующие слова дописали за него его партийные редакторы. Во всяком случае Кузнецова фактически обвиняют в мятеже – именно так квалифицируются самовольные действия людей, имеющих в руках оружие. Все остальное содержание книг Кузнецова опровергает слова о самочинности действий адмирала в критические для нашей страны часы 21–22 июня. Известно, что еще 19 июня по приказу из Москвы флот был переведен в боевую готовность № 2. Позже из Москвы пришло подтверждение, что флот может отражать нападение противника, если оно последует. Готовность № 1 на флоте была объявлена 21 июня в 23 часа 15 минут – т. е. сразу же, как содержание «Директивы № 1» было доведено Жуковым до Кузнецова. К тому же во всеоружии встретили врага не только моряки, но и находившиеся в подчинении Берии пограничники. Оказались в должной степени боевой готовности войска Одесского военного округа. Не в полной мере, но оказались готовы встретить нашествие в КОВО и ПриБОВО. Полностью опоздали с развертыванием войск только в ЗапОВО. Кроме того, до сих пор нет ясности по вопросу, почему некоторые приказы по ЗапОВО противоречили директивам центра, не повышали, а наоборот, понижали боевую готовность личного состава и техники. Среди них, например, такие:

- Изъятие и передача на склады боекомплектов из дотов, танков, самолетов (многие склады, при этом, располагались слишком близко к границам, в результате уже в первые два дня они были подожжены авиацией противника или их пришлось взрывать самим отступающим советским частям).
- Приказ изъять с погранзастав автоматическое оружие якобы для осмотра.
- Полученное в самый канун нападения, 21 июня указание на просушку топливных баков самолетов.
- Запрет на рассредоточении авиации округа и т. д.

Список подобных, не поддающихся объяснению с точки зрения нормальной логики приказов и распоряжений можно продолжать, углубляясь во все более мелкие детали. Финал известен – столица Белоруссии, один из главных городов СССР Минск был захвачен уже 28 июня. Трагически сложилась и судьба генерала Павлова. Он сам, а так же некоторые другие высшие офицеры ЗапОВО были расстреляны. Обвинение на следствии строили по статье 58, «Измена Родине», но в конце концов приговор был вынесен по статьям «Халатность» и «Неисполнение должностных обязанностей».

Не на высоте положения оказались так же некоторые партийные и советские руководители. В Хрестоматии по истории 1914–1945 годов, еще в середине 90-х годов прошлого века подготовленной коллективом кафедры Новейшей отечественной истории МПГУ, на этот счет для студентов-историков содержится интересная подборка документов. Так, в своем

письме Председателю ГКО Сталину от 7 июля 1941 года член ВКП (б) с 1925 года С. Болотный сообщал о позорном поведении руководства Литовской ССР. «В день вероломного военного нападения фашистской Германии на нашу родину, т. е. 22 июня с.г., – отмечается в документе, – правительство и ЦК КП(б) Литвы позорно и воровски бежали из Каунаса в неизвестном направлении, оставив страну и народ на произвол судьбы, не подумав об эвакуации госучреждений, не уничтожив важнейших государственных документов... Каунас, город небольшой, настороженное население видело караван транспорта правительственных автомашин, идущих на предельной скорости по направлению вокзала, нагруженных женщинами, детьми и чемоданами. Все это внесло деморализацию среди населения».

Чемоданные настроения охватили и некоторых лидеров УССР. Вот в каких резких тонах писал Сталин руководителю украинских коммунистов Хрущеву 10 июля 1941 года: «Ваши предложения об уничтожении всего имущества противоречат установкам, данным в речи т. Сталина, где об уничтожении всего ценного имущества говорилось в связи с вынужденным отходом частей Красной Армии. Ваши же предложения имеют в виду немедленное уничтожение всего ценного имущества, хлеба и скота в зоне 100–150 км от противника, независимо от состояния фронта. Такое мероприятие может деморализовать население, вызвать недовольство советской властью, расстроить тыл Красной Армии и создать, как в армии, так и среди населения, настроения обязательного отхода вместо решимости давать отпор врагу». Сталин фактически, завуалировано обвинял Хрущева в паникерстве. Не на эти ли упреки запоздало отвечал Хрущев на XX съезде, создавая миф о сталинской прострации?

К сожалению, подобных негативных проявлений чиновничьей халатности и беспринципности хватало не только в первые дни войны, но и позже, когда враг начал продвигаться в глубь территории СССР. Разумеется, это не могло не вызывать справедливого недовольства рядовых граждан. Как сформулировал это сотрудник британского посольства Дж. Рассел, работавший в тот период в СССР, против коммунистов и евреев было направлено стихийное недовольство, годами накапливавшееся в народе. Так, в октябре 1941 г. массовые стихийные выступления происходили на родине первых Советов – в Ивановской области. Рабочие выражали недовольство методами мобилизации на строительство оборонных сооружений, состоянием государственной и кооперативной торговли. Слышались протесты: «Все главки сбежали из города, а мы остаемся одни». Когда же представители райкома попытались развеять распространяемые провокаторами слухи, люди кричали в ответ: «Не слушайте их – они ничего не знают, они обманывают нас вот уже 23 года!»

Аналогичные настроения, по данным начальника УНКВД г. Москвы и Московской области М. И. Журавлева и прочим источникам, с которых в последние годы снят гриф секретности, проявились в Москве, в период паники 14–16 октября 1941 года. Не только прежние оппозиционеры или представители свергнутых классов спешили отмежеваться от советского прошлого. По свидетельству пережившего октябрьскую трагедию москвича Г. В. Решетина, широко проявилась реакция, чисто защитного свойства (по принципу «своя рубашка ближе к телу») и у рядовых горожан: «Вечером 16 октября в коридоре соседка тетя Дуняша затопила печь. Яркий огонь пожирает... книги, журналы. Помешивая кочергой, она без конца повторяет так, чтобы все слышали: – А мой Миша давно уж беспартийный, да и вообще он и на собрания-то не ходил».

Нельзя не отметить, что события, подобные московским, стали возможны исключительно в условиях, когда на несколько часов у слабонервных людей возникала иллюзия, будто советская система рухнула. В этих условиях максимум, на что смогли самоорганизоваться простые москвичи, это перекрыть дороги, ведущие на Восток, и громить машины со скарбом беженцев. Причем расправам и унижениям подвергались не только трусливые начальники, но и представители интеллигенции. А ведь у ворот Москвы стоял фашист, и нужно было думать, как защитить город! Столь же показательным, как был преодолен кри-

зис. Как только стало известно, что Сталин остался в Москве, все панические и погромные настроения прошли. Сталин являлся лишь символом советского режима. Так же, как и он, оставались на своем рабочем месте или на боевом посту множество других людей: красных директоров, милиционеров, солдат и офицеров, ополченцев, рабочих, служащих – словом всех тех, кто не поддавался панике и отстоял Москву. Произнося свой знаменитый тост «за русский народ» 24 мая 1945 года в Кремле на приеме в честь командующих войсками Красной Армии, Сталин вспоминал: «У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 гг., когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего Правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии».

Изменения советской политической системы в 1941–1945 годах: трудная дорога к Победе

Часто в качестве доказательства кризиса и поражения советской системы в годы войны приводят тот факт, что, после первых же выстрелов на советско-германской границе, началась ее трансформация. Методы управления, еще в конце 1930-х годов казавшиеся незыблемыми, отвергались. Вместо них происходил переход к новым, часто более демократическим. Однако следует отдавать себе отчет в двух обстоятельствах общетеоретического и практического плана. Во-первых, советская система в годы войны видоизменялась не только под давлением разобранных выше негативных факторов, в том числе протестных настроений в обществе. Сам резкий переход от мира к войне требовал серьезной настройки аппарата власти с учетом быстро менявшейся обстановки. Во-вторых, изменения шли и в течение всех предшествующих десятилетий, начиная с 1917 года. В обществе боролись демократические и антидемократические тенденции. И сегодня многие ученые, в том числе на Западе, не спешат однозначно утверждать, что эта борьба завершилась, тотчас, как окончилась гражданская война. Не стоит так же забывать судьбу царской России. Косность политических институтов, нежелание учитывать веянья времени в конечном итоге привели ее к гибели. Соответственно, гибкость советской системы является доказательством скорее ее устойчивости, нежели кризиса.

Перестройка государственного механизма на военный лад начинается уже в первые часы после нацистской агрессии. Некоторые мероприятия были продуманы заранее, другие – стали ответом на быстро меняющуюся ситуацию. Уже в первый день войны 22 июня Политбюро, а затем Президиумом Верховного совета СССР принимаются четыре важных документа, определивших характер мобилизационных мероприятий. Это указы: № 95 «О мобилизации военнообязанных»; № 96 «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения», № 97 «О военном положении»; № 98 «Об утверждении Положения о военных трибуналах». В указе «О военном положении», со ссылкой на Конституцию, разъяснялось, что военное положение в отдельных местностях или во всей стране может вводиться для обеспечения общественного порядка и государственной безопасности. В местностях, объявленных на военном положении, вся полнота власти в части обороны передавалась военным. За неподчинение распоряжениям военных властей и за совершаемые преступления предусматривалась уголовная ответственность по законам военного времени. Нарушителями должны были заниматься специальные трибуналы, приговоры которых обжалованию не подлежали. Важное положение содержалось в заключительном пункте указа,

пояснявшем, что юрисдикция данного указа «распространяется так же на местности, где в силу чрезвычайных обстоятельств отсутствуют местные органы государственной власти и государственного управления СССР». Речь шла об оккупированных врагом территориях.

На следующий день, 23 июня Политбюро приняло постановление «О Ставке Главного Командования вооруженных сил Союза ССР». Без проволочек оно было оформлено совместным закрытым постановлением СНК и ЦК ВКП (б). Ставка, таким образом, стала первым созданным в годы войны чрезвычайным органом управления. В ее компетенцию входило руководство вооруженными силами. Председателем Ставки был назначен Нарком обороны Тимошенко. Так же в нее были включены Сталин, Молотов, К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный, Жуков и Кузнецов. Советская историография не любила подчеркивать этот факт, но, как легко увидеть, большинство «рядовых» членов ставки были по своему положению, а главное по авторитету в стране несоизмеримо выше ее формального руководителя. Это не могло не создавать определенные трудности. Видимо, понимал положение вещей и сам Тимошенко, который подписывался под исходящими из Ставки документами не как ее Председатель, а расплывчатой формулой: «От ставки Главного Командования Народный Комиссар Оборона С. Тимошенко».

Позже состав и даже название этого важного органа военного управления претерпело неоднократные изменения. Так, 10 июля, как официально разъяснялось, в связи с образованием Главных командований отдельных направлений (Северо-Западного, Западного и Юго-Западного) он был переименован в Ставку Верховного Командования. Обращает на себя внимание тот факт, что в этот же день вместо Тимошенко Председателем Ставки становится Сталин. Тогда же в нее был введен Б. М. Шапошников, как очень скоро выяснилось – с дальним прицелом: 30 июля он возглавит Генштаб, сменив менее опытного в штабной теучке Жукова. Чуть раньше, 19 июля 1941 года, своего высокого поста лишится Тимошенко. Вместо него НКО возглавит лично Сталин. Наконец, 8 августа Сталин будет назначен Верховным Главнокомандующим. Соответственно Ставка Верховного Командования будет преобразована в Ставку Верховного Главнокомандования. Тем самым, организация управления армией приобретает свой законченный вид. Как подчеркивал в этой связи А. М. Василевский, в результате проведенных реорганизаций «значительно улучшилось руководство Вооруженными Силами, их строительством и обеспечением».

Важную роль в переводе политической системы и страны в целом на военные рельсы сыграла упомянутая выше «Директива о мобилизации» от 29 июня 1941 года. По справедливому замечанию ведущих современных историков, в ней была сформулирована «основная программа действий по превращению страны в единый боевой лагерь». Директива предельно лаконично, но емко формулировала суть происходящих событий. «Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз продолжается. Целью этого нападения является уничтожение советского строя, захват советских земель, порабощение народов Советского Союза, ограбление нашей страны, захват нашего хлеба, нефти, восстановление власти помещиков и капиталистов... В навязанной нам войне с фашистской Германией, – отмечалось в ней, быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение». Документ отмечал, что, несмотря не всю серьезность нависшей над Родиной угрозы, «некоторые партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации и их руководители еще не осознали значения этой угрозы и не понимают, что война резко изменила положение», что «Родина оказалась в величайшей опасности». Требовалось сбросить пелену иллюзий и благодушия и, засучив рукава, браться за сложное дело организации отпора агрессору.

В документе звучал призыв «драться до последней капли крови», «проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу». Тыл предстояло укреплять «подчинив интересам фронта свою деятельность». Для помощи раненым предлагалось приспособли-

вать помещения школ, клубов и даже государственных органов. С дезертирами, паникерами, диверсантами звучал призыв расправляться беспощадно, придавать суду военного трибунала. Как особое оружие врага назывались провокационные слухи. Директива реально оценивала ситуацию, признавала возможность оставления врагу части советской территории. В документе звучал призыв в случае вынужденного отхода Красной Армии «не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего». Колхозников призывали угонять скот, вывозить зерно. Все, что невозможно было эвакуировать, должно было «безусловно уничтожаться». Директива требовала в захваченных районах создавать невыносимые условия «для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу». Для этого предполагалось разжечь во вражеском тылу партизанскую войну, как это было в годы Отечественной войны 1812 года. Директива заканчивалась словами, направленными непосредственно коммунистам: «Задача большевиков, – говорилось в ней, – сплотить весь народ вокруг Коммунистической партии, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии, для победы».

Логическим следствием Директивы становится почти сразу после ее принятия создание упомянутого выше Государственного Комитета Оборона. Потребность в нем диктовалась исключительно условиями войны. В постановление от 30 июня, с которого он начинает свою историю, так и значилось, что ГКО создается «ввиду создавшегося чрезвычайного положения и в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу Родину». В документе всего три коротких параграфа. В первом – перечислялся состав ГКО: Сталин (председатель), Молотов (заместитель), Ворошилов, Г. М. Маленков, Берия. Во втором параграфе звучало требование «сосредоточить всю полноту власти в государстве в руках» нового органа. Наконец, в третьем параграфе все граждане, все партийные, советские, комсомольские и военные организации обязывались «беспрекословно выполнять решения и распоряжения» ГКО, которые, по сути, приобретали силу законов военного времени. В руках ГКО была сосредоточена «вся полнота власти в государстве». Никогда больше – ни до, ни после войны – не существовало органа с такими полномочиями, просуществовавшего свыше 4 лет и не предусмотренного Конституцией.

В исторической науке существуют разные точки зрения на то, кому принадлежит идея создания ГКО. Далеко не все историки согласны, что она исходила от самого Сталина. Некоторые авторы называют таких деятелей, как Молотов, Маленков, Берия. В частности, согласно мнению Юрия Жукова, создание ГКО являлось своеобразным дворцовым переворотом. Сталин же был включен в его состав лишь для придания ГКО видимости легитимности и большей работоспособности. Лишь тогда, когда Сталин осознал, что отстранять его от власти никто не намерен, он включился в работу в полную силу. Помимо свидетельств на этот счет Хрущева и Микояна, имеются еще, к примеру, записи В. С. Семенова, одно время являвшегося заместителем министра иностранных дел. В 1964 году он занес в дневник рассказ, якобы услышанный от К. Е. Ворошилова на одном из Кремлевских приемов:

«Сталин поверил немцам. На него так подействовало вероломство немцев: нарушить договор спустя несколько месяцев после подписания!.. Это подло. Сталин так расстроился, что слег в постель... Только постепенно Сталин овладел собой и поднялся с кровати. И вот в это время Вячеслав Михайлович стал говорить, что надо прогнать Сталина, что он не может руководить партией и страной. Мы ему стали объяснять, что Сталин доверчив и у него такой характер. Но Молотов слышать не хотел, он не понимал особенности Сталина».

Как видим, в основе версии о Молотове, как инициаторе создания ГКО лежит все та же схема, что и применительно к «прострации Сталина». Однако эта точка зрения базируется лишь на источниках мемуарного плана. Помимо них в ее основе нет ничего. Как уже было показано выше, никакого выпадения Сталина из руководства страной не произошло. А если Сталин ни на один день не оказывался в ситуации бездействия, то все построения в духе «теории заговора» теряют смысл. Об их беспочвенности говорят, помимо прочего, и дальнейшие события. Вряд ли Сталин, учитывая остроту борьбы за власть в советской верхушке, сохранил бы рядом с собой людей, посягнувших на его лидерство. Сам по себе факт, что все, кого современные авторы причисляют к «заговорщикам», продолжали занимать важные посты и пользовались доверием Сталина на протяжении всей войны, служит достаточным основанием, чтобы не относиться к «теории заговора» слишком серьезно.

В свою очередь, исследования новейшего периода свидетельствуют скорее об обратном, а именно о том, что инициатором создания ГКО был как раз сам Сталин. Он был недоволен бессилием некоторых гражданских и военных руководителей, хотел решительно переломить ситуацию. Нельзя исключить, что свою роль сыграло и наследие «дела Тухачевского», когда политическое руководство ощутило к генералитету недоверие. Решение обозначившейся проблемы лежало как раз в плоскости создания такого органа, который бы объединил все ветви власти в одних руках. Только Сталин из всех сохранившихся на тот момент руководителей СССР имел опыт работы в подобном органе. Имеется в виду, конечно, ленинский Совет рабочей и крестьянской обороны (позже преобразованный в Совет Труда и Оборона).

Как известно, В. И. Ленин учреждал Совет обороны тоже с целью обуздать власть военных во главе с Троцким. Такая потребность возникла, когда Троцкий совместно со Свердловым после покушения на Ленина образовали Революционный военный совет Республики. По факту РВСР имел полномочия шире, чем ленинский СНК. Созданием Совета обороны Владимир Ильич восстанавливал status quo, так как РВСР так же должен был подчиняться вновь созданному органу. Параллель между Советом рабочей и крестьянской обороны и ГКО была очевидна всегда.

Идея Государственного комитета обороны родилась у Сталина, очевидно, 29 июня 1941 года. Это произошло либо, как уже предполагалось, после посещения НКО, либо в момент работы над Директивой о мобилизации страны для отпора агрессору. За то, что именно Сталин мог стоять у истоков ГКО, помимо всего прочего, свидетельствует содержание его выступления 3 июля 1941 года. Не только по смыслу, но и по стилистике оно вытекало из директивы 29 июня и постановления о создании ГКО. Во всех трех документах встречаются не только смысловые повторы, общие образы и обороты, но также текстовые совпадения, что невозможно назвать случайным и подтверждает их общее авторство.

Возвышаясь в качестве своего рода надстройки над всеми государственными органами, ГКО своего большого аппарата не имел. Он действовал через партийные и государственные органы, а так же общественные организации. В дальнейшем, когда выявится потребность оперативного решения ряда вопросов, будет учрежден особый институт уполномоченных ГКО. Они станут действовать на фронтах, в наркоматах, отдельных союзных республиках, краях и областях, на важнейших предприятиях и стройках. В особых случаях при ГКО создавались специальные комитеты и комиссии. Например, в разное время существовали Трофейная комиссия, Комитет по эвакуации, Совет по радиолокации, Транспортный комитет и др.

В прифронтовых районах функцию чрезвычайных органов власти осуществляли созданные ГКО в 1941–1942 годах городские комитеты обороны. Всего городские комитеты обороны были созданы более чем в 60 городах, в том числе в таких городах-героях, как Севастополь, Одесса, Тула и др. Так же, как и Государственный, городские комитеты обороны призваны были объединить воедино все рычаги власти: партию, армию, местную

администрацию. Как правило, во главе их оказывались первые секретари обкомов или горкомов ВКП(б). Членами городских комитетов обороны становились представители местных советских и военных органов. В сферу деятельности чрезвычайных органов на местах входило руководство производством и ремонтом боевой техники и вооружения, строительством, созданием народного ополчения и других добровольческих формирований.

В местностях, объявленных на военном положении, вся полнота власти по части обороны, охраны общественного порядка и государственной безопасности переходила непосредственно к военным советам фронтов (округов), армий, а где не было военных советов – высшему командованию действовавших на данных территориях соединений. Указ от 22 июня 1941 г. наделял военные власти самыми широкими полномочиями. Они контролировали въезд и выезд из местности, объявленной на военном положении. По распоряжению военных из этой зоны могли в административном порядке выселяться любые нежелательные лица. Изданные военными властями постановления для населения данной местности являлись общеобязательными. За их неисполнение виновные подвергались в административном порядке лишению свободы до 6 месяцев или штрафу до 3 тыс. рублей. В случае необходимости военные могли мобилизовать транспортные средства, устанавливать военно-квартирную и трудовую повинность. Они же получали право регулировать режим работы предприятий, учреждений, торговли и коммунальных служб. Порядок проведения собраний и шествий так же переходил в ведение военных властей.

Военное положение могло вводиться не только в местностях, оказавшихся перед угрозой вражеской оккупации, но и в отдельных, особо важных с оборонной точки зрения отраслях народного хозяйства. В частности, учитывая опыт I Мировой войны, военное положение было объявлено на транспорте. Здесь оно означало введение воинской дисциплины в системе транспортных ведомств. По сути, транспортные служащие и рабочие приравнивались к военнослужащим и наравне с ними несли дисциплинарную, а в ряде случаев так же уголовную ответственность за совершенные проступки и преступления. Такие меры помогли сохранить высокую эффективность транспорта на протяжении всей войны.

В условиях непосредственной угрозы захвата городов прифронтовой зоны неприятелем, в них могло вводиться и осадное положение. От военного, осадное положение отличалось еще более жесткой регламентацией режима. Осадное положение постановлением ГКО было введено, к примеру, в октябре 1941 года в Москве. Действовало оно так же в Ленинграде, Сталинграде и некоторых других городах и районах прифронтовой полосы, особо важных в военном отношении. В городах, объявленных на осадном положении, вводился комендантский час, упорядочивалось и подлежало контролю передвижение транспортных средств и населения. Охрана общественного порядка усиливалась. Нарушители режима осадного положения могли привлекаться к уголовной ответственности с передачей дела военному трибуналу. Расстрелу на месте подлежал любой, кто был уличен в провокационной деятельности, шпионаже или призывал к нарушению порядка.

Для решения конкретных задач в военные годы формировали так же узкоспециальные чрезвычайные органы. В частности, таким органом являлась Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. Она была создана указом Президиума ВС СССР от 2 ноября 1942 года. Председателем комиссии был назначен секретарь ВЦСПС Н. М. Шверник. В нее, помимо представителей партии, таких как А. А. Жданов, входили известные, авторитетные общественные деятели: писатель А. Н. Толстой, историк-патриот Е. В. Тарле, нейрохирург Н. Н. Бурденко, селекционер и агроном академик Т. Д. Лысенко и др. Ряд исследователей, в частности немецкий историк Дитер Польш, пытаются поставить объективность комиссии под сомнение (что, впрочем, в обстановке нарас-

тающих на Западе, в том числе даже в Германии, попыток пересмотра позиции СССР во II Мировой войне, вполне понятно – одним из приемов принижения роли вклада нашей страны в общую победу все чаще выступает приуменьшение масштабов зверств нацизма, обеление военных преступников). Помимо общегосударственной, аналогичные комиссии имелись в республиках, краях областях и городах. Результаты их расследований были представлены советской стороной на Нюрнбергском процессе в качестве неопровержимых свидетельств преступной деятельности оккупантов.

Чрезвычайные органы не могли полностью заменить всю систему управления мирного времени, да этого и не требовалось. Наряду с ними продолжали действовать конституционные органы власти и управления. Война внесла свои коррективы в организацию и порядок их работы. В частности, условия войны и оккупации больших территорий СССР не позволили провести в предусмотренные законом сроки очередные выборы в Советы всех ступеней. Президиум ВС СССР и президиумы Верховных Советов союзных республик неоднократно откладывали их проведение, но в годы войны организовать их так и не удалось. Выборы состоялись только после войны, когда политическая и экономическая ситуация начала стабилизироваться. Несмотря на это, советские органы должны были продолжать свою работу. Решено было, что избранные в предвоенное время депутаты Верховного Совета СССР, Верховных Советов республик и местных Советов продолжают свою работу до тех пор, пока в этом будет сохраняться необходимость.

Деятельность советских органов осложняла не только невозможность своевременно обеспечить проведение выборов. Так же непросто было соблюсти сроки созыва очередных сессий, обеспечить на них кворум. Это было связано с тем, что многие депутаты, чувствуя свой патриотический долг, уходили в действующую армию. Показательна такая цифра: к 1 января 1945 года из состава местных Советов выбыло более 59 % избранных до войны депутатов и более 38 % членов исполкомов Советов. В большинстве своем они сражались на фронтах Великой Отечественной войны. В результате приходилось идти на серьезные компромиссы с законом, и признавать полномочными сессии Советов, на которых присутствовало 2/3 наличного состава депутатов, тогда как в мирное время, по Конституции для этого требовалось присутствие 2/3 избранных депутатов. Всего в период войны сессии ВС СССР созывались лишь три раза, в то время как перед войной с 1937 по 1941 год – 8 раз. Еще сложнее обстояли дела в союзных республиках, ставших объектом агрессии. Так на Украине первую сессию высшего законодательного органа республики удалось собрать лишь в начале марта 1944 года. Кроме того война изменила облик депутатского корпуса, в котором женщины теперь играли гораздо большую, нежели до войны роль.

Точно так же, как в годы гражданской войны, резко изменилось соотношение исполнительных и представительных органов власти. Первые, в лице исполкомов Советов, ощутили усиление. Помимо всего прочего, исполкомы вышестоящих Советов получили дополнительные права по отношению к исполкомам нижестоящих Советов. В частности, в случае необходимости, исполком вышестоящего Совета мог без дополнительных выборов, путем кооптации пополнять состав исполкомов нижестоящих Советов. Как правило, депутатский корпус пополнялся проверенными людьми, представителями партийно-советского актива. Особенно широко подобная практика применялась на освобождаемых от врага территориях, где приходилось восстанавливать не только экономику, но и советскую организацию власти.

Процессы, приводившие к усилению вертикали исполнительных органов, имели место не только на местах, но и в центре. Так, несколько снизилась роль ВС СССР, но при этом укрепилась роль его Президиума и, в еще большей мере, СНК СССР. Сессии ВС СССР проводились только в исключительных случаях. Так, 9-я сессия состоялась лишь год спустя, после начала войны – 18 июня 1942 года. На ней был ратифицирован советско-английский Договор о союзе с Англией в войне против фашистской Германии. Еще дольше пришлось

ждать 10-ю сессию ВС СССР, которая открылась 28 января 1944 года. Наконец заключительная за период Великой Отечественной войны 11 сессия ВС СССР проходила 24–27 апреля уже 1945 года. Большинство изменений в законодательство страны в военное лихолетье принималось Президиумом ВС СССР. Среди правовых актов, одобренных им в эти годы, можно назвать указы о мобилизации; введении военного положения; структуре Вооруженных Сил; государственных наградах; наконец, о создании новых (в том числе чрезвычайных) государственных органов и многие другие.

Еще большая нагрузка в годы войны легла на Советское Правительство и его подразделения. По некоторым, наиболее важным, прежде всего военно-хозяйственным вопросам, СНК СССР принимал совместные решения с аппаратом ЦК ВКП(б). В компетенцию Совнаркома входили вопросы, связанные, например, с эвакуацией предприятий из прифронтовых в восточные районы страны. Для этого при СНК была создана новая структура – Совет по эвакуации во главе с Н. М. Шверником. Совет по эвакуации при СНК в своей деятельности опирался на прифронтовые эвакуационные комиссии при исполкомах местных Советов, отделы по эвакуации, созданные в аппаратах наркоматов, а также уполномоченных отраслевых наркоматов, ответственных за эвакуацию отдельных предприятий. На местах размещение эвакуированных предприятий контролировали региональные партийные и советские структуры. Чрезвычайный орган был создан для оптимизации деятельности на таком важном направлении, как агитация и пропаганда. Им становится возникшее уже 24 июня 1941 года Совинформбюро при СНК СССР. В годы Великой отечественной войны его деятельностью руководили лидер московских коммунистов А. С. Щербаков и замнаркома иностранных дел С. А. Лозовский.

При Совнаркоме создавались и другие новые структуры. Среди них Главснабнефть, Главснабуголь, Главснаблес и прочие учреждения, ведавшие снабжением народного хозяйства. Помимо этого, были образованы комитет по учету и распределению рабочей силы, Управление по эвакуации населения, Управление по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. Когда в 1943 году Красная Армия погнала врага на Запад и стали массово освобождаться советские территории, возникла задача их хозяйственного возрождения. Работы в этом направлении были поручены специально созданному постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 года Комитету при СНК СССР по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации, работой которого руководил Г. М. Маленков. Задачи, которые решались в годы войны, потребовали создать такие новые Народные комиссариаты СССР, как наркомат боеприпасов, танковой промышленности, минометного вооружения и ряд других. Кроме того, в уже существовавших наркоматах создавались новые структурные звенья. К примеру, в Наркомате торговли создается Главвоенторг, в Наркомате здравоохранения – отдел госпиталей, в Наркомате путей сообщения – Управление военно-дорожного строительства и т. д.

Важно отметить, что в период военного лихолетья совершенствование механизма управления шло не только по линии централизации, но и через его демократизацию, через повышение ответственности и свободы маневра входивших в него звеньев. Так, уже 1 июля 1941 года было принято постановление СНК СССР «О расширении прав народных комиссариатов в условиях военного времени». Наркоматам предоставлялось право перераспределять материальные ресурсы. Директора заводов так же получали право выдавать смежникам необходимые материалы из своих запасов, если это требовалось для выполнения плановых заданий. Более того, наркоматы получили право свободно маневрировать финансами, даже направлять их на совершенно иные, нежели предусматривалось ранее, объекты. Разрешалось пускать в строй объекты без директив центра лишь с последующим уведомлением СНК СССР. Разрешалось резервировать до 5 % от утвержденного фонда зарплат. Кроме того, рас-

ширялись права ведомств в области капитального строительства и восстановления разрушенного войной.

Историк В. Черепанов в качестве одного из главных путей повышения эффективности государственного механизма выделяет сталинскую кадровую политику. Еще перед войной ее основное содержание было отлито в формулу «Кадры решают все». В наши дни многие историки признают, что в годы войны при подборе руководящих кадров во главу угла ставилось не личная преданность начальству, но, в первую голову, профессионализм, ответственность за порученный участок работы. В условиях борьбы за выживание советской системы Сталин смело избавлялся от людей, показавших свою неготовность к работе в новых условиях. Так случалось даже с деятелями, которых историки называют своего рода «любимчиками вождя» – Мехлисом, Ворошиловым, Кагановичем и другими. На их место назначались молодые и талантливые руководители.

Так, М. Г. Первухин в годы войны стал наркомом химической промышленности, И. Т. Пересыпкин – наркомом связи и начальником Главного управления связи РККА, А. И. Шахурин – наркомом авиационной промышленности, А. В. Хрулев – наркомом путей сообщения и одновременно начальником Главного управления тыла Вооруженных Сил СССР, И. А. Бенедиктов – наркомом земледелия, Н. К. Байбаков – наркомом нефтяной промышленности. Будучи совсем молодыми специалистами, они внесли весомый вклад в организацию Победы. В своей книге «Говорят сталинские наркомы» академик Г. А. Куманев привел несколько интервью с этими и другими деятелями, представлявшими молодое, активное поколение руководителей, выросшее и окрепшее уже при советской власти и проявившее свои лучшие качества как раз в период войны. Помимо представленных в этой книге, в те же годы выдвинулись Д. Ф. Устинов (нарком вооружения), Б. Л. Ванников (наркомат боеприпасов), И. Ф. Тевосян (нарком черной металлургии), А. И. Ефремов (нарком танкостроительной промышленности), А. Н. Косыгин (с 1943 года – Председатель СНК РСФСР) и многие другие.

На годы Великой Отечественной войны приходится звездный час еще одного молодого политика – Н. А. Вознесенского. В этот трудный для страны период он возглавлял Госплан СССР. В работу этого учреждения военная обстановка так же внесла важные коррективы, о которых следует упомянуть. Важнейшим элементом советской экономической системы в предвоенное десятилетие являлось долгосрочное планирование. Оно представляло собой существенный шаг вперед по сравнению с краткосрочным планированием эпохи военного коммунизма. Однако в условиях войны с фашистами долгосрочное планирование уже не могло играть своей ведущей роли. Ситуация на фронте менялась слишком быстро и непредсказуемо. Это требовало большой гибкости от хозяйственного руководства. Потребность в принятии оперативных решений объективно повышали роль текущего планирования. Инструментом такого планирования становятся квартальные, месячные и даже декадные хозяйственные планы.

Примерами успешной деятельности плановых органов в чрезвычайных условиях могут служить разработанный при участии Госплана и принятый ЦК ВКП (б) и СНК СССР в самом начале войны мобилизационный народно-хозяйственный план на III квартал 1941 года. А уже в августе этого года был одобрен такой же план на IV квартал года. Кроме того, в течение войны принимались планы по отдельным районам нашей большой страны. Так, на 1942 год был утвержден план по Уралу, Поволжью, Западной Сибири, Казахстану и Средней Азии. В следующем, 1943 году, принимается план развития экономики Урала. Когда же советские войска погнали захватчиков на Запад, Госплан развернул подготовку планов по восстановлению и развитию экономики в освобождаемых от оккупантов районах. Опыт своей работы и развития экономики страны в те годы Вознесенский позже обобщил в книге «Военная экономика СССР в период Отечественной войны».

Переустройство затронуло управленческий аппарат и на республиканском уровне. Расширились права не только союзных, но и республиканских ведомств. При необходимости, в республиках создавались новые административные структуры. Так, в союзных республиках, особенно сильно пострадавших от войны, возникли новые республиканские наркоматы по жилищно-гражданскому строительству. В их функции входила работа не только с хозяйственными объектами, но и простыми людьми, лишившимися крова.

Перемены коснулись не только управления народным хозяйством, но и более важных сфер деятельности республиканских органов. Так, 1 февраля 1944 года был принят закон «О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешнеэкономических сношений и о преобразовании в связи с этим Народного комиссариата иностранных дел из общесоюзного в союзно-республиканский». В нем, помимо прочего, устанавливалось «что союзные республики могут вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами и заключать с ними соглашения». Этот шаг был продиктован стремлением укрепить роль СССР на международной арене, в частности расширить его влияние на Организацию Объединенных Наций, создание которой планировалось после разгрома блока фашистских государств. Сталин добивался включения в ООН всех 16 союзных республик (соответствующее предложение было озвучено на конференции трех великих держав в Думбартон-Оксе 28 августа 1944 года). В то же время очевидно, что подобное решение укрепляло демократические начала в государственном механизме СССР и являлось своего рода шагом навстречу нашим союзникам – т. н. странам Западной демократии.

Тогда же, 1 февраля 1941 года, был принят аналогичный закон о преобразовании из союзного в союзно-республиканский Наркомата обороны СССР. В его первой статье содержалось очень важное положение, позволявшее союзным республикам создавать собственные войсковые формирования. Соответствующие изменения были внесены в Конституцию СССР. Так, в ней появилась новая статья, которая гласила: «Каждая союзная республика имеет свои республиканские войсковые формирования». Отметим, правда, что национальные формирования действовали в годы войны и раньше. Они создавались, к примеру, в Закавказье, Средней Азии, Прибалтике.

В рамках поднятой темы следует так же хотя бы коротко остановиться на деятельности советского административного аппарата на оккупированных врагом территориях. Казалось бы, здесь, в тылу врага, кризис советской власти должен был бы проявиться особенно наглядно. Тоталитарная гитлеровская машина подавления должна была вытравить все ростки созданной Российской революцией 1917 года политической системы. Не секрет, что эта цель обозначалась Гитлером как одна из приоритетных еще на заре его политической биографии, в том числе в программной книге «Моя борьба». Для реализации задуманного фашисты применяли самые разнообразные меры: от заигрывания с коллаборационистами до беспощадного уничтожения всех непокорных. Но все эти меры желаемых результатов не дали. Агрессору в захваченных районах СССР не удалось полностью ликвидировать советские органы, будь то партийные или государственные.

О крахе замыслов гитлеровцев искоренить советские органы свидетельствуют красноречивые факты. В разное время в тылу фашистов развивали свою деятельность 2 областных партийных центра, 35 обкомов партии, 2 межuezдных комитета, 40 горкомов, 19 райкомов в крупных городах, 479 сельских райкомов и другие партийные органы различных уровней. Разветвленной оставалась так же сеть государственных органов. Советы разных уровней смогли не только сохраниться, но и активно выполняли свою основную функцию мобилизации населения оккупированных территорий на борьбу с врагом. Действуя в тылу врага, советы разных уровней способствовали сохранению советского образа жизни, поддержанию советских традиций даже в чрезвычайных условиях оккупации. С этими целями созывались подпольные сессии сельсоветов и райсоветов, а депутаты-подпольщики и партизаны прово-

дили, как и в мирные годы, встречи со своими избирателями. Такая работа практиковалась, например, на Украине, в Белоруссии, оккупированных областях РСФСР (Ленинградской, Орловской и др.). Иногда в тылу врага складывались чрезвычайные советские органы в виде районных троек, уполномоченных Советской власти и других учреждений.

Свою роль в организацию победы внесли и высшие республиканские органы тех союзных республик, территории которых полностью оказались оккупированы. В начале войны они были эвакуированы. Их основной задачей становится организация антифашистского подполья. Например, центральные государственные органы УССР были эвакуированы в Саратов. Позже их переведут в Уфу и, наконец, в Москву. Находясь в эвакуации, центральные партийные и советские органы республик направляли на оккупированные территории своих представителей. Они доставляли информацию о жизни «Большой Земли», директивы, инструкции. Кроме того в немецкий тыл забрасывались опытные работники для укрепления подпольных организаций и сбора разведывательной информации. Наряду со сведениями, добываемыми военной разведкой, разведданные, полученные по линии местных советских и партийных органов играли чрезвычайно важную роль при организации наступлений советской армии. Когда же врага погнали на Запад, руководство республик включились в восстановление советской системы на освобождаемых территориях. Так, руководство Украины уже в 1943 году возобновило свою деятельность в Харькове.

Опорой существования советской власти на захваченных фашистами территориях являлось мощное партизанское движение. В ряде случаев, когда оккупантам удавалось временно подавить деятельность советских органов власти, их функции брало на себя командование партизанских отрядов. В период наивысшего подъема партизанского движения летом 1943 года под полным контролем партизан находилось свыше 200 тыс. кв. км советской земли во вражеском тылу. На освобожденных партизанами территориях шло восстановление мирной жизни и традиционных органов власти. В свою очередь советские и партийные органы оказывали всемерное содействие подъему партизанского движения. Важно подчеркнуть, что все органы советской власти, действовавшие за линией фронта даже в условиях подполья, руководствовались принципом, что оккупация действия советских законов – не прекращает. Тем самым, несмотря на все чинимые зверства и демагогию, агрессору не удалось разорвать единое тело советской страны и нанести смертельный удар ее политической системе даже на временно захваченных территориях.

* * *

Проблематика эволюции и деятельности советской политической системы в 1941–1945 годах еще долго будет предметом научных дискуссий и общественного интереса. Не предвещая основных итогов предстоящей в дальнейшем работы над этими сюжетами, приведем несколько обобщающих выводов из рассмотренных выше фактов.

Существовавшая в конце 1930-х годов система управления, которая в мирные предвоенные пятилетки в целом подтвердила свою эффективность, в условиях войны потребовала перестройки для достижения принципиально новых задач, связанных с необходимостью отражения вражеской агрессии, превращения СССР в единый военный лагерь и достижения Победы.

Современная историография (работы О. Ржешевского, М. Мягкова, Е. Кулькова В. Черепанова, А. Вдовина, Е. Титкова и др.) показывает, что приоритетными политико-правовыми принципами перестройки и деятельности системы власти в тот момент времени выступали:

1. Единство политического, государственного и военного руководства.

2. Принцип максимальной централизации и единоначалия в управлении (в силу чего в период войны значительно усилилось существовавшее и прежде слияние партийного и государственного аппаратов всех уровней).

3. Принцип четкости определения и постановки задач для каждого звена управления.

4. Принцип ответственности субъектов управления за решение задач государственного управления.

5. Принцип советской законности, правопорядка и строгой государственной дисциплины.

6. Принцип контроля над армией со стороны политического руководства и некоторые другие.

Сложившаяся в годы войны модель политической власти в СССР была генетически связана с предвоенной, выступала ее продолжением, а не чем-то принципиально новым. При уникальном разнообразии регионов страны и недостаточно развитой системе коммуникаций, руководство СССР сумело обеспечить единство фронта и тыла, строжайшую дисциплину исполнения на всех уровнях снизу доверху при безусловном подчинении центру, но при этом развить личную инициативу и ответственность каждого исполнителя. Такое сочетание централизации и демократии в условиях войны играло, несомненно, положительную роль, она дала возможность советскому руководству сосредоточить основные усилия на самых важных, решающих участках. Девиз «Все для фронта, все для победы!» не остался только лозунгом, он воплощался в жизнь. Войны всегда были серьезным испытанием общества на прочность. К. Маркс называл эту способность войн их «искупительной стороной». Он сравнивал социальные институты, утратившие свою жизнеспособность, с мгновенно распадающимися мумиями, подвергнувшимися воздействию струи свежего воздуха. Советское общество не распалось, смогло избавиться от всего, что мешало борьбе с врагом. Его политическая система проявила жизнеспособность, выстояла в самых тяжелых условиях. В этом видится одна из важнейших причин нашей Великой Победы 1945 года.

§ 2. Создание колхозно-совхозного строя в советской деревне и его значение в исторической победе в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Российская революция, прошедшая в своем развитии два взаимосвязанных этапа – февральско-мартовский, буржуазно-демократический, и октябрьско-ноябрьский, большевистско-пролетарский – освободила крестьянство, составлявшее абсолютное большинство населения страны, от многовекового гнета феодально-помещичьего по происхождению землевладения и передала в его трудовое пользование практически все частнособственнические земли сельскохозяйственного назначения. Под влиянием этих перемен аграрный строй пореволюционной России приобрел своеобразный мелкокрестьянский характер.

Через десять лет после революции страна на основе компромиссного нэповского курса советской власти сумела, в основном, восстановить разрушенное двумя войнами – первой мировой и гражданской – а также самой революцией народное хозяйство России. В 1927 г. в ней насчитывалось 24–25 млн крестьянских дворов, каждый из которых в среднем засеивал 3–5 десятин пашни, имея чаще всего рабочую лошадь, корову и несколько голов мелкого скота. В числе пахотных орудий сохранялась деревянная соха, а среди уборочных – коса и серп. Только примерно каждое шестое – седьмое хозяйство имело те или иные машины преимущественно конной тяги.

Но даже в этих условиях восстановительный процесс в аграрной сфере страны на основе новой экономической политики шел существенно быстрее, чем в области промышленности и народнохозяйственной инфраструктуры. Правда и здесь он имел неравномерные темпы: стартовый и очередные рывки 1924/25 и 1925/26 хозяйственных годов, которые охватывали в 1920-е годы время с октября одного года до 30 сентября следующего, сменялись периодами замедленного роста, приходившимися на третий и заключительный годы нэпа. Эти сбои были связаны с кризисом сбыта 1923 г. и политикой перераспределения национального дохода в интересах индустриализации страны, провозглашенной XIV съездом РКП(б). Для того, чтобы вплотную подойти к довоенному (1913 г.) уровню сельскохозяйственного производства потребовалось не более пяти лет, что красноречиво свидетельствовало об успешном использовании российским крестьянством скромных возможностей нэпа. Пусть неравноправное, но все же «сотрудничество государства и частного хозяйства», по меткому определению известного экономиста-аграрника Б. Бруцкуса, лежащее в основе нэповской политики, состоялось. Крестьянство не только восстановило производительные силы деревни, но и помогло государству вытянуть из трясины глубочайшего кризиса все народное хозяйство. Оно платило продуктами питания и сырьем для промышленности за обесцененные бумажные деньги, приняв на себя основную тяжесть финансовой реформы 1924 г. Теперь не половина бремени госбюджета, а три четверти его легло на плечи мужика, потерявшего на неэквивалентном обмене с городом 645 млн. полновесных нэповских рублей.

Особенно остро ощущалось падение товарности крестьянского хозяйства. До революции половина зерна собиралась в помещичьих и кулацких (предпринимательского типа) хозяйствах, которые давали 71 % товарного зерна, в том числе экспортного. Полупролетарские и средние мелкотоварные хозяйства крестьян производили (без кулаков и помещиков) другую его половину, а потребляли 60 %, а во второй половине 20-х гг. соответственно 85 и 70 %. В 1927/28 гг. государство заготовило 630 млн пудов зерна против довоенных 1300,6 млн. Но если количество зерна в распоряжении государства теперь оказалось вдвое меньше, то экспорт его пришлось сократить в 20 раз.

Высокая натурализация большинства крестьянских хозяйств являлась глубинной основой хлебозаготовительных кризисов, постоянно угрожавших в ту пору стране. Хлебозаготовительные трудности усугублялись низкими сельскохозяйственными ценами, особенно хлебными. До первой мировой войны сельскохозяйственный рубль был равен 90 коп., а в середине 1920-х гг. – около 50. К тому же, производителю хлеба доставалась лишь половина цены, поскольку остальная поглощалась разбухшими накладными расходами Внешторга, государственных и кооперативных органов, причастных к заготовке и реализации хлеба на внутреннем и внешнем рынках.

Значительные потери крестьянин нес и из-за ухудшения качества приобретаемых в обмен на хлеб и другие сельскохозяйственные продукты промтоваров, исчезновения импорта и постоянного товарного голода в деревне, которая, по авторитетному мнению другого знатока мелкого крестьянского хозяйства пореволюционной России Н. Челинцева, недополучала более 70 % промтоваров.

В нэповских условиях насильственные меры изъятия государством продовольствия у крестьян стали сравнительно широко применяться впервые в условиях хлебозаготовительного кризиса зимы 1927/28 гг. Формально объектом насильственных мер объявлялись кулаки, задерживающие в целях повышения цен на хлеб, продажу его государству. Вышла директива привлекать их к судебной ответственности по статье 107 Уголовного кодекса РСФСР, предусматривающей лишение свободы до 3-х лет с конфискацией всего или части имущества. Как во времена пресловутого «военного коммунизма», чтобы заинтересовать бедноту в борьбе с держателями больших излишков, рекомендовалось 25 % конфискованного хлеба распределять среди нее по низким госценам или в порядке долгосрочного кредита.

Позиции кулаков подрывались также усилением налогового обложения, изъятием у них земельных излишков, принудительным выкупом тракторов, сложных машин и другими мерами. Под влиянием такой политики в зажиточных хозяйствах началось свертывание производства, распродажа скота и инвентаря, особенно машин, в их семьях усилилось стремление к переселению в города и в другие районы. По данным ЦСУ СССР, число кулацких хозяйств по РСФСР сократилось к 1927 году с 3,9 до 2,2 %, по Украине к 1929 г. – с 3,8 до 1,4 %.

Однако, применение государством чрезвычайных мер не ограничивалось только хозяйствами кулаков и зажиточных крестьян, а вскоре оно начало все чаще и чаще и все сильнее ударять по среднему крестьянству, а порой и по беднякам. Под давлением непосильных заданий по хлебозаготовкам и нажимом специально командированных в зерновые районы секретарей и членов ЦК ВКП(б) – И. Сталина, В. Молотова, Л. Кагановича, А. Микояна и др. – местные партийные и государственные органы становились на путь повальных обысков и арестов, у крестьян часто изымали не только запасы, но семенное зерно и даже предметы домашнего скарба. Во время заготовок из урожая 1929 г. вакханалия насилия получила еще большее распространение. Так, Северо-Кавказский крайком ВКП(б) 17 июня этого года разослал на места директиву «О мерах ликвидации кулацкого саботажа хлебозаготовок», в которой обязал проводить через собрания бедноты и сходы «постановления о выселении из станиц и лишении земельного пая тех кулаков, кои не выполнили раскладки и у коих будут найдены хлебные излишки, спрятанные... или розданные для хранения в другие хозяйства». В отчете о проведении этой кампании секретарь крайкома А. Андреев писал Сталину, что на хлебозаготовки в крае были брошены все силы – более 5 тыс. работников краевого и окружного масштаба, оштрафовано и в значительной мере продано имущество у 30–35 тыс. хозяйств, отдано под суд почти 20 тыс. и расстреляно около 600 человек. Такой же произвол творился и в Сибири, Нижне- и Средневолжских краях, на Украине, в республиках Средней Азии.

Эти и подобные факты позволяют рассматривать хлебозаготовительную чрезвычайную кампанию 1928 г., особенно 1929 г., как прелюдию к развертыванию сплошной коллективизации и массового раскулачивания, а также как своеобразную разведку боем, которую большевистский режим провел прежде, чем решиться на генеральное сражение в борьбе за «новую» деревню.

Наблюдательные современники-очевидцы тогда же подметили тесную взаимосвязь между той и другой хозяйственно-политическими кампаниями на селе. Специфической особенностью советско-партийной кампании стало то, что «она являлась прямым продолжением кампании по хлебозаготовкам, – подчеркивал в своей рукописи «Сибирь накануне сева» Г. Ушаков (ученик и последователь А. Чайнова), видевший и фиксирующий то, как началась и шла сталинская «революция сверху» в западно-сибирской и уральской деревне. – Почему-то это обстоятельство, – продолжал он, – в должной мере не учитывают. Люди, посланные в районы на хлебозаготовки, механически переключались на ударную работу по коллективизации. Вместе с людьми механически переключались на новую работу и методы хлебозаготовительной кампании. Таким образом, вздваивались ошибки и перегибы, как уже имеющиеся, так и создавалась почва для новых».

Генетическое родство и того, и другого явлений схвачено пытливым очевидцем абсолютно верно. Добавим лишь, что разведка боем, проводимая в течение двух лет кряду, позволила Сталину и его окружению, во-первых, убедиться, что деревня, в которой политика классового подхода углубляла социально-политическое размежевание, уже не способна так же дружно, как это было в конце 1920 – начале 1921 гг., противостоять радикальной ломке традиционных основ ее хозяйственной жизни и быта, и, во-вторых, проверить готовность своих сил (большевистско-государственного аппарата, ОГПУ, Красной Армии и молодой советской общественности), погасить разрозненные вспышки крестьянского недовольства действиями властей и ее отдельных агентов. В то же время Сталину и его присным удалось успешно завершить борьбу с прежними политическими противниками в рядах партии: Л. Троцким, Л. Каменевым, Г. Зиновьевым и их сторонниками, а затем успеть выявить и новых в лице так называемого правого уклона, создав определенные предпосылки и для его последующего идейно-политического разгрома.

Новый курс социально-экономической политики Советской власти, как несколько позже охарактеризует действия правящей элиты большевиков, связанные с осуществлением форсированной индустриализации страны и отходом на данной основе от принципов нэпа, выдающийся отечественный экономист Н. Д. Кондратьев, выражался, с одной стороны, в том, что были определены невиданно быстрые темпы развития промышленности, а с другой, в том, что само развитие индустрии происходило применительно к ее разным отраслям неравномерно, с обеспечением явных приоритетов производства средств производства в ущерб производству средств потребления. В поисках необходимых капиталовложений для обеспечения форсированной индустриализации государство должно было встать на путь перераспределения национального дохода страны посредством перекачки значительной его части из деревни в город, из сельского хозяйства в промышленность.

Однако мелкое крестьянское хозяйство, на котором базировался аграрный сектор российской экономики, ограничивало возможность такой перекачки. Это обстоятельство, а также задачи создания социально-однородного и политически монолитного общества предопределили ускоренное обобществление мелкого крестьянского хозяйства страны. Того же требовали и интересы укрепления обороноспособности страны, особенно, если учесть реально возросшую после «военной тревоги» 1927 г. угрозу вооруженного столкновения. Близкие соображения были отражены в докладе сектора обороны Госплана СССР Совету труда и обороны страны, посвященном учету интересов обороны в первом пятилетнем плане. Намечаемое планом существенное увеличение доли обобществленных крестьянских

хозяйств было признано в этом документе мероприятием, которое всецело отвечало требованиям обороны СССР. «Не приходится сомневаться, – подчеркивалось в докладе, – что в условиях войны, когда особенно важно сохранение возможностей регулирования, обобществленный сектор будет иметь исключительное значение. Столь же важно наличие крупных производственных единиц, легче поддающихся плановому воздействию, чем многочисленная масса мелких, распыленных крестьянских хозяйств».

Курс на перевод крестьянских хозяйств на рельсы крупного производства наметил XV съезд ВКП (б), состоявшийся в декабре 1927 г. Одновременно он выдвинул задачу «развивать дальше наступление на кулачество», приняв ряд мер, ограничивающих развитие капитализма в деревне и ведущих крестьянское хозяйство по направлению к социализму».

Печальную память оставила по себе политика наступления на кулачество главным образом потому, что в накаленной обстановке тех лет ярлык «кулака-буржуя» нередко навешивался на самостоятельного, крепкого, пусть и прижимистого хозяина-труженика, способного при нормальных условиях накормить не только себя, но и всю страну. Во многом произвольное нагнетание мер классового насилия над кулачеством резко усилилось с выходом в свет летом 1929 г. постановления «О нецелесообразности приема кулака в состав колхозов и необходимости систематической работы по очистке колхозов от кулацких элементов, пытающихся разлагать колхозы изнутри». Этим решением и без того уже подвергнутые экономическому и политическому остракизму многие зажиточные семьи были поставлены буквально в безвыходное положение, оказавшись лишенными будущего. При активной поддержке сельчан, таких как Игнашка Сопронов, чей собирательный образ талантливо воссоздал на страницах романа «Кануны» Василий Белов, была развязана кампания чистки колхозов от кулаков, причем само вступление последних в колхозы рассматривалось как уголовное деяние, а создаваемые с их участием коллективные хозяйства квалифицировались как лжеколхозы.

Но сколько бы жестоки ни были эти меры по отношению к кулаку, все же основным вектором нового курса в деревне, как показали дальнейшие события, являлись решения XV съезда ВКП(б), в которых шла речь о переводе мелкого хозяйства крестьян на рельсы крупного производства.

На их основе весной 1928 г. Наркомзем и Колхозцентр РСФСР составили проект пятилетнего плана коллективизации, согласно которому к концу пятилетки, т. е. к 1933 г. ... предусматривалось вовлечь в колхозы 1,1 млн хозяйств (4 % от их общего числа в республике). Спустя несколько месяцев Союз союзов сельхозкооперации эту цифру увеличил до 3 млн (12 %). А в утвержденном весной 1929 г. пятилетнем плане намечалось обобществить уже 4–4,5 млн хозяйств, т. е. 16–18 % их общего числа.

Чем можно объяснить тот факт, что за один лишь год цифры плана увеличивались трижды, а их последний вариант в четыре раза превышал первоначальный? Во-первых, это связано с тем, что темпы колхозного движения на практике обгоняли планируемые вначале: к июню 1929 г. в колхозах насчитывалось уже более миллиона дворов или примерно столько, сколько первоначально намечалось на конец пятилетки. Во-вторых, руководство партии и государства надеялось ускоренным созданием колхозов и совхозов форсировать решение хлебной проблемы, которая крайне обострилась в 1928 и 1929 гг.

А со второй половины 1929 г. масштабы и темпы колхозного строительства подскочили еще значительно. Если к лету 1929 г. в колхозах состояло около одного миллиона дворов, то к октябрю того же года – 1,9 млн, а уровень коллективизации поднялся с 3,8 до 7,6 %. Гораздо быстрее росло число колхозов в основных зерновых районах: Северном Кавказе и Средне-Волжском крае. Здесь число колхозников за четыре месяца (июнь – сентябрь 1929 г.) увеличилось в 2–3 раза. А в середине лета этого года Чкаловский район Средне-Волжского края первым выступил с инициативой достижения сплошной коллективизации. К сентябрю здесь было создано 500 колхозов (461 товарищество по совместной обработке земли, 34 артели

и 5 коммун), которые включали 6 441 хозяйство (около 64 % их общего числа в районе) с обобществленными 131 тыс. гектаров земельных угодий (из всех имевшихся на территории района 220 тыс. га). На территории района аналогичное движение вскоре появилось и в некоторых других районах республики.

Чтобы поддержать эту инициативу, отдел ЦК ВКП(б) по работе в деревне созвал в августе совещание, на котором рассматривался вопрос об обобществлении крестьянских хозяйств целых районов. Идея сплошной коллективизации начала проводиться в жизнь. Вслед за Средне-Волжским краем районы сплошной коллективизации стали возникать и в других местностях страны. На Северном Кавказе к сплошной коллективизации почти одновременно приступили семь районов, на Нижней Волге – пять, в Центральном Черноземье – тоже пять, на Урале – три. Постепенно движение распространяется и на отдельные районы потребляющей полосы. Всего в августе 1929 г. в РСФСР насчитывалось 24 района, где шла сплошная коллективизация. В некоторых из них колхозы объединяли до 50 % крестьянских дворов, но в большинстве охват колхозами не превышал 15–20 % дворов.

На той же Нижней Волге возник и ставший своеобразным символом всей «революции сверху» почин провести сплошную коллективизацию в масштабе целого округа – Хоперского. Здесь окружной комитет большевиков решил завершить сплошную коллективизацию к концу пятилетки. А через неделю Колхозцентр РСФСР поддержал инициативу хоперцев, признав необходимым «проведение сплошной коллективизации всего округа в течение пятилетки». Тогда же почин округа одобрило бюро Нижне-Волжского крайкома ВКП(б), а Совнарком республики объявил его опытно-показательным по коллективизации. С 15 сентября в округе проходил месячник по коллективизации. Как и водится, в округ-«маяк» было направлено около 400 работников партийных и иных органов управления в качестве «толкачей» (так их позже окрестит народная молва). Итогом всех этих усилий стали 27 тыс. дворов, которые к октябрю 1929 г. значились в колхозах округа.

Подобные квазиуспехи были достигнуты, в основном, методами администрирования и насилия. Это должен был признать инструктор Колхозцентра в письме, оглашенном на ноябрьском 1929 г. Пленуме ЦК ВКП(б). «Местными органами проводится система ударности и компанейства, – подчеркивалось в письме. – Вся работа по организации проходила под лозунгом: «Кто больше». На местах директивы округа иногда преломлялись в лозунг «Кто не идет в колхоз, тот враг советской власти». Широкой массовой работы не проводилось... Имели место случаи широкого обещания тракторов и кредитов: «Все дадут – идите в колхоз»... Совокупность этих причин дает формально пока 60 %, а может быть, пока пишу письмо, и 70 % коллективизации. Качественную сторону колхозов мы не изучили... Если не принять мер к укреплению колхозов, дело может себя скомпрометировать. Колхозы начнут разваливаться».

Иначе говоря, хоперский полигон «сплошняка» воочию продемонстрировал типичные недуги деревенской «революции сверху», которые после распространения во всесоюзном масштабе получают из уст Сталина наименование «перегибов» генеральной линии, переадресовавшим их потерявшим голову местным советско-партийным и иным активистам.

Чтобы лучше понять истоки и природу колхозной эйфории, которая вскоре захлестнет все звенья партийно-государственной системы страны есть необходимость хотя бы вкратце охарактеризовать состояние отечественной общественно-политической мысли по вопросу о судьбах мелкого крестьянского хозяйства в связи с проведением форсированной индустриализации. После XV съезда партии эта проблема, давно интересовавшая многих отечественных политиков и ученых, по мере того, как колеса большевистского нэпа во второй половине 1920-х гг. все чаще стали пробуксовывать (пока в годы чрезвычайщины и вовсе не остановились) выдвигается на авансцену социально-экономической и партийно-политической жизни советского общества. В рядах большевистской партии сталинской ставке на «революцию

сверху» в качестве более безболезненного варианта решения проблемы «социалистической модернизации» деревни противостояли взгляды лидеров «правого уклона», которые в современной литературе получили название бухаринской альтернативы.

Н. И. Бухарин после его реабилитации в 1987 г. стал считаться некоторыми отечественными историками-аграрниками (В. П. Даниловым и его сторонниками), считавшими колхозный строй сначала неким третьим изданием крепостного права на Руси, а ныне торжеством «госкапитализма» в советской деревне) одним из последовательных проводников ленинских взглядов на кооперацию, через которую мелкие частные хозяйства крестьян, в том числе и кулацкие, будут в условиях диктатуры пролетариата, как он (Бухарин) выражался, «врастать в социализм». Вместе с тем, появились и мнения, что он будто бы «разработал свой план кооперативного развития деревни», во многом перекликающийся со статьей В. И. Ленина «О кооперации» и книгой А. В. Чаянова о крестьянской кооперации». Но признать их обоснованными нельзя. Ведь если Ленин и Бухарин в основном сходно смотрели на кооперацию как лучшую форму приобщения крестьян к социализму, то принципиально иначе понимал ее беспартийный Чаянов, отнюдь не являющийся слепым почитателем В. И. Ленина и всего большевистского режима власти в стране.

Во-первых, он считал естественным, нормальным условием жизни и деятельности кооперации наличие в стране рыночных отношений, тогда как Ленин и Бухарин рассматривали эти отношения в качестве временного явления, рассчитанного всего лишь на переходный от капитализма к социализму период. Во-вторых, Ленин и Бухарин мыслили социалистическое кооперирование крестьян исключительно в условиях диктатуры пролетариата. Что же касается Чаянова, то он подлинными успехами кооперирования мелкокрестьянской деревни напрямую связывал с демократическим режимом власти в стране, который должен прийти на смену диктаторской, большевистской власти своеобразным эволюционным путем, в расчете на так называемое перерождение большевизма. Согласно чаяновской концепции крестьянской «самоколлективизации», реализация его варианта модернизации села означала бы безболезненную, эволюционного типа перестройку аграрного сектора страны, которая одновременно с повышением производительности труда и поднятием агрикультурного уровня сельского хозяйства решала бы и сложные социальные проблемы страны, поскольку кооперирование должно было охватить и помочь окрепнуть всем социальным слоям деревни.

По большинству названных параметров она в корне отличалась от сталинской форсированной «революции сверху», базирующейся не столько на силе примера и добровольности обобществления крестьянского хозяйства, сколько на насильственной ломке индивидуального образа жизни и производственной деятельности российского крестьянства, обернувшейся трагедией для нескольких сотен тысяч семей раскулаченных и гибелью еще большего количества населения от голода 1932–1933 гг., а также значительным хотя и, безусловно, временным падением производительных сил деревни в первые годы коллективизации.

Но задачи крупномасштабной перекачки материальных и трудовых ресурсов из деревни в город в целях обеспечения индустриального скачка, который страна совершила в годы предвоенных пятилеток, чаяновский способ решения аграрно-крестьянской проблемы в конкретных условиях того времени не гарантировал. Более того, при существующем политическом режиме он был попросту неосуществим. И сам ученый, и его единомышленники сравнительно скоро убедились в этом. Вот почему их надежды и практические действия на то, чтобы, используя свое положение «спецов» при соответствующих советских наркоматах и других госучреждениях, попытаться повторить попытку «обволакивания» большевистской власти, которую удачно реализовала кадетско-прогрессистская оппозиция по отношению к царскому самодержавию, прежде чем свалить его в феврале 1917 г. С соответствующими предложениями в кругу соратников по кооперативной работе выступал (как мной

было показано свыше 10 лет назад), Чайнов начиная еще с лет гражданской войны. «Нэповский экономический Брест большевизма», как характеризовал реформистскую линию советского руководства начала 20-х гг. теоретик сменовеховства Н. В. Устрялов, придал Чайнову и его единомышленникам еще большую уверенность в том, что тактика «обволакивания» гораздо действеннее, нежели открытая конфронтация оппозиционно настроенных слоев интеллигенции с коммунистической властью.

Существо своих политических раздумий Чайнов изложил в письме родственнице по второй жене – эмигрантке и видной публицистке, активистке российского политического масонства Е. Д. Кусковой. К концессиям Запада автор письма советовал для получателей добиваться политических гарантий. Смысл этих гарантий ученый видел в том, чтобы «один за другим в состав советской власти будут входить несоветские люди, но работающие с советами». Как все это практически осуществить? – спрашивал он и отвечал – «Надо договориться самим, т. е. всем, кто понимает, что делается в России, кто способен принять новую Россию. *Надо частное воздействие на западноевропейских деятелей – необходим с ними сговор и некий общий фронт*». Тактику «обволакивания» советской власти он связывал с интервенцией, но не военной, а экономической. «Мне представляется неизбежным, – разъяснял он адресату, – и в будущем проникновение в Россию иностранного капитала. Сами мы не выйдем. Эта интервенция...идет и теперь в наиболее разорительных для России формах. *Эта интервенция усилится, так как при денежном хозяйстве в России давление Запада будет всегда более реальным. Ведь если будет на Западе котироваться червонец, то любой солидный банк может получить концессию – стоит пригрозить и напугать. Это куда страшнее Врангеля и всяких военных походов* (курсив мой – Э.Ш.).

Цитируемые соображения Чайнова, высказанные в письме, написанном и отправленном во время служебной командировки его за границу примерно за пять лет до принятия XV съездом ВКП(б) курса на коллективизацию, по существу предвосхитили программные установки так называемой Трудовой крестьянской партии (ТКП), которые изложили на допросах по делу ЦК ТКП и группировки Н. Н. Суханова – В. Г. Громана А. В. Чайнов, Н. Д. Кондратьев и другие арестованные летом – осенью 1930 г. ученые-аграрники.

Сталин и его окружение истолковали показания арестованных как подтверждение существования такой антибольшевистской организации и, главное, в качестве обоснования начала политической расправы над ними. Конечно, «вождь народов» в ту пору не мог знать содержания писем Чайнова Кусковой, поскольку они попали в советские архивы только после окончания Второй мировой войны. Но, как показывает его переписка конца 20-х – середины 30-х гг. XX в. с В. М. Молотовым, по протоколам допросов арестованных ученых кремлевский вождь по достоинству оценил опасность политических взглядов Чайнова, Кондратьева и их единомышленников для большевистского режима. Его прежде всего тревожило то, что тактика ТКП предполагала ее блокирование с правым крылом ВКП(б) при переходе к нему власти, ибо этот блок рассматривался Чайновым и Кондратьевым и их единомышленниками как «этап к осуществлению демократического принципа». А ведь через день после того, как Кондратьев сделал это признание, Сталин напишет Молотову: «Не сомневаюсь, что вскроется прямая связь (через Сокольников и Теодоровича) между этими господами и правыми – (Бухарин), Рыков, Томский) Кондратьева, Громана и пару-другую мерзавцев нужно обязательно расстрелять».

Вопреки тому, что Чайнов, Кондратьев на последующих допросах такую связь отрицали, есть основания полагать, если не она, то идейная зависимость воззрений представителей «правого уклона» от т. н. «буржуазных спецов», тем не менее, существовала, и последние ее не отвергали.

Но как бы то ни было, организационная разобщенность политических оппонентов большевиков объективно лила воду на мельницу Сталина и его окружения. Используя эту

разобщенность «вождь народов» со товарищи не только расправлялись с ними поочередно, но даже прибегали к шельмованию одних политических противников устами других. К примеру, кампанию беспардонного глумления над Чайновым, Кондратьевым и др. начал на исходе 1927 года один из вождей «новой оппозиции», а затем троцкистско-правого блока – Г. Зиновьев, назвав их «сменовеховцами» и «внутренними устряловцами». А вслед за ним с трибуны апрельского Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) Чайнова, Кондратьева и их сторонников громил сам лидер правых уклонистов – Бухарин, характеризовавший идеи ученых относительно сбалансированного развития промышленности и сельского хозяйства в качестве «решительного сдвига от индустриализации в сторону окулачивания страны». С легкой руки современных западных исследователей (М. Левина, С. Козна, Т. Шанина и др.) в отечественной современной литературе по истории коллективизации не только чайновский, но и бухаринский варианты решения проблемы модернизации сельского хозяйства в СССР стало модным возводить в ранг якобы реально существовавших альтернатив сталинской «революции сверху» в советской деревне.

Однако ни оригинальные идеи Чайнова, ни тем более эклектичные суждения Бухарина и его т. н. школы сколько-нибудь веских шансов на реализацию в конкретных условиях страны конца 20—30-х годов не получили. Иначе говоря, российская деревня оказалась как бы исторически обреченной на форсированную коллективизацию.

Именно такой характер колхозное строительство в целом по стране обретает в последние два месяца 1929 года и в первые месяцы 1930 года. В значительной степени этому способствовала сталинская статья «Год великого перелома», опубликованная «Правдой» 7 ноября 1929 г. Выдавая желаемое за действительное, в ней утверждалось, что партии «удалось повернуть основные массы крестьянства... к новому, социалистическому пути развития; удалось организовать коренной перелом в недрах самого крестьянства и повести за собой широкие массы бедняков и середняков».

На деле все обстояло не так просто. Как по СССР в целом, так и в рамках РСФСР перелом в сознании большинства крестьян не только не совершился, но даже рельефно не обозначился. Ведь на 1 октября этого года в колхозах Союза и РСФСР значилось соответственно 7,6 и 7,4 общей численности крестьянских дворов. Однако, весь тон статьи Сталина ориентировал партию на всемерное ускорение темпов коллективизации и оказал прямое воздействие на ход и решения ноябрьского (1929 г.) Пленума ЦК ВКП (б). Не случайно в докладе председателя Колхозцентра об итогах и задачах колхозного строительства участникам Пленума было заявлено, что это «движение получает такой разгон, влияние колхозов... на индивидуальное хозяйство так возрастает, что переход на коллективные рельсы остальной массы крестьян явится вопросом месяцев, а не лет».

Не ограничившись тем, что партия систематически и раньше подпитывала колхозное движение своими кадрами, Пленум решил направить в деревню одновременно 25 тыс. индустриальных рабочих с организационно-политическим опытом работы. Названная мера была призвана ускорить коллективизацию. Поскольку колхозное движение начало перерастать рамки районов и областей и вызвало появление таких всесоюзных или республиканских организаций, как Колхозцентр, Тракторцентр, Зернотрест и др. было решено создать общесоюзный Наркомат земледелия, на который в качестве первой задачи возлагалось руководство строительством крупного общественного хозяйства в деревне.

Рассматривая кулака как основную классовую силу, заинтересованную в срыве этого строительства, Пленум обязал партию и государство усилить борьбу с капиталистическими элементами деревни, развивать решительное наступление на кулака, пресекая его попытки пролезть в колхозы в целях развала последних. И хотя в его документах не содержалось прямых указаний о применении административно-репрессивных мер с целью ликвидации

кулачества, опыт чрезвычайщины 1928–1929 гг. и весь ход обсуждения вопроса на Пленуме вплотную подводили к этому.

Переход к политике сплошной коллективизации под лозунгами «Даешь бешеные темпы» логически выдвигал на повестку дня вопрос о судьбе не отдельных кулацких хозяйств, а в целом о кулачестве как классе. Форсирование коллективизации означало неминуемое развертывание раскулачивания как политики насильственного лишения кулаков средств производства, построек и т. п. в целях их ликвидации как последнего эксплуататорского слоя в деревне. И то, и другое навязывалось под мощным нажимом сверху. В представлении Сталина и его единомышленников цель здесь оправдывала средства. Руководители страны хорошо осознавали, что иначе нельзя сломить сопротивление среднего крестьянства идти в колхоз (т. е. решить ближайшую задачу – ускорить формальное обобществление крестьянского хозяйства), ни, тем более, добиться переделки «в духе социализма» собственной психологии мужика и тем самым обобществить аграрную сферу страны на деле (т. е. осуществить главную и едва ли не самую трудную задачу долговременной политики большевиков в деревне).

И дело упиралось не только в то, что кулаки всячески сопротивлялись колхозному строительству. Главное, что они олицетворяли для большинства деревенских тружеников жизненный идеал самостоятельного хозяйствования, имущественного и иного достатка и тем сводили по существу на нет большевистскую пропаганду преимуществ коллективной формы ведения хозяйства. Вот почему с переходом к массовой коллективизации участь кулацкого слоя была предрешена. Сознывая это, наиболее дальновидные его представители, как уже отмечалось выше, спешили «самораскулачиться» и переселиться в города, на стройки.

Однако и после провозглашения политики ликвидации кулачества как класса вопрос, как проводить раскулачивание, и что делать с раскулаченными, оставался нерешенным. Постановление ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», подготовленное комиссией под председательством А. Яковлева и лично отредактированное Сталиным, не внесло в него должной ясности, ограничившись всего лишь подтверждением недопустимости приема кулаков в колхозы.

Этот документ устанавливал жесткие сроки завершения коллективизации: для Северного Кавказа, Нижней и Средней Волги – осень 1930 г. или «во всяком случае» – весна 1932 г. Для остальных районов указывалось, что «в пределах пятилетия мы... сможем решить задачу коллективизации огромного большинства крестьянских хозяйств». Такая формулировка ориентировала на завершение, в основном, коллективизации в 1933 г., когда кончалась первая пятилетка.

Основной формой колхозного строительства была признана сельскохозяйственная артель. Разъяснение о степени обобществления средств производства в артели из проекта этого документа Сталин при редактировании текста вычеркнул, вследствие чего низовые работники не получили должной ясности и по данному вопросу. При этом сельхозартель истолковывалась как переходная к коммуне форма хозяйства, что тоже нацеливало коллективизаторов на местах на усиление обобществления средств производства крестьянских дворов и свидетельствовало о нежелании партийных верхов считаться с интересами крестьян, о недооценке силы привязанности мужика к своему хозяйству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.